

В.П. Бойко

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В КОНЦЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

Томский государственный педагогический университет

Важнейшей составляющей характеристикой менталитета купечества Западной Сибири является его образованность, включенность в контекст национальной и мировой культуры, знакомство с достижениями науки, литературы, искусства.

Интересно проследить, как отражалось усвоение плодов образования и культуры на деятельность купечества, его социальном статусе. Можно лишь весьма приблизительно судить о степени образованности западносибирского купечества в конце XVIII в. В целом по России менее половины гильдейского купечества было элементарно грамотно. В 1784 г. донесения провинциальных магистратов в Комиссию о коммерции должна была подтвердить своей подписью верхушка городского общества. После такого приказа в Томске собственноручно расписалось в предложенных для подписи документах 26 купцов из 40, что дает довольно высокий процент элементарной грамотности – 65, в Тобольске этот процент был еще выше и доходил до 90% [1, с. 37]. Однако эти цифры характеризуют грамотность только верхушки посада, где она была выше, чем в основной массе торгово-промышленного сословия. Автор ценных очерков по истории России XVIII в. Н. Чечулин отмечал, что в российских городах только «немногие кушцы могли читать, писать и механически считать на счетах» [2, с. 28]. Например, внешнее обследование списков томского купечества на предмет его грамотности показал, что в 1790 г. только 19 глав купеческих семей из 48 зарегистрированных смогли поставить свои подписи в предлагаемых для этого документах, что составляет около 40% всех купцов [3, с. 29]. По характеру некоторых подписей можно сделать вывод о слабой грамотности большинства подписавшихся купцов, так как очевидно, что практики письма у них почти не было, некоторые из них свои имя и фамилию нарисовали по памяти.

Общая образованность дореформенного купечества Западной Сибири была довольно низкой. В большинстве случаев дело ограничивалось обучением грамотности и письму случайными грамотеями: дячками, отставными унтер-офицерами и солдатами, грамотными членами купеческих семей. А.П. Словцов, прекрасно знавший сибирскую

жизнь начала XIX в., остроумно замечал: «Вопрос об уме сибирском можно отложить до завтра, до послезавтра: этот малопахучий букет холодного климата, надеюсь, не выдохнется» [4, с. 100]. В другом месте Словцов говорил, что свое образование сибирские купцы получают на медные деньги, т. е. тратиться на него предпочитают по минимуму. В то же время, нельзя недооценивать эффективность домашнего образования у купечества, которое имело народные корни и веками выработанную методику. Н.М. Чукмалдин вспоминал, что его обучение грамотности у старообрядцев было «быстрым и мудрым», и учили не только грамоте, но и прививали вкус к учебе.

Своеобразным и эффективным было обучение купеческих детей основам торговой профессии. Делалось это как внутри купеческой семьи, под присмотром и руководством родителей, так и через отдачу мальчиков в «люди», т. е. на обучение и получение навыков предпринимательства у родственников или знакомых. Наблюдательная Е.А. Авдеева – Полевая, старшая сестра известного литератора и историка Н.А. Полевого, отмечала: «Ни в одном купеческом доме не было лакеев: должность эту справляли мальчики, которых отдавали родители или родственники для навыка в торговле. Такой мальчик, исправляя разные поручения хозяев, должен был прислуживать и в доме; это продолжалось два – три года. Если он оказывался верен и расторопен, то ему поручали уже дела большей важности, а место его занимали другие» [5, с. 32]. С середины XIX в. Купеческие дети начинают посещать губернские гимназии. Например, в Томске в 1844 г. из 79 учащихся местной гимназии только 5 человек (6%) были из купцов. В 1852 г. доля купеческих детей среди гимназистов уменьшилась до 4% и только в 1860–е гг. Увеличилась и достигла 15 – 18%. Так в 1860 г. среди 157 учащихся Томской гимназии 102 ученика были из дворян и 29 из купцов. Однако, как отмечал исследователь народного образования в Томской губернии С. Чудновский, большинство купеческих детей («почти все») покидали гимназию из младших классов [6, с. 26]. К концу века еще больше купеческих детей училось в гимназии и некоторые из них заканчивали полный

курс, что сделать в то время было нелегко и до выпуска доходило обычно не более 30 – 40% гимназистов младших классов. В целом по Томской губернии в 1897 г. среди 1614 мужчин и 1491 женщины купеческого сословия и почетных граждан только 73,35% мужчин и 28,96% женщин получили начальное образование и выше, в том числе в университетах обучалось 0,85% и 0,01%, в высших учебных заведениях – 0,11% и 0,01%, в средних специальных заведениях – 0,95% и 0,45%, в средних заведениях соответственно 5,69% мужчин и 12,14% женщин [7, с. 21].

Таким образом, общая грамотность западносибирского купечества была довольно низкой, и большинство купцов, избираемых в городские думы, не имело никакого образования, но было элементарно грамотным. Такое состояние дел было характерно и для России в целом. Даже в Москве, в конце XIX в., среди 4563 выборщиков в городскую думу около половины состава, преимущественно купцов, имело низшее и домашнее образование, а 183 человека были «вовсе неграмотными» [8; с. 457]. Тем не менее, недостаток общего образования у купцов компенсировался тесной связью с народной культурой. Помимо обязательного для большинства населения того времени религиозного воспитания и образования, купеческие дети усваивали десятки народных песен и сказок, сотни прибауток, поговорок и побасенок и многое другое, что было накоплено народом за многие века своей истории. Все эти знания и навыки не лежали у купцов мертвым грузом, постепенно выветриваясь и забываясь, они постоянно были в ходу, при деле, помогая рекламировать свой товар, зазывать покупателей, заключать договоры и сделки. Глубокий знаток России XIX в. С.В. Максимов писал о сибирском купечестве так: «Наше купечество, не обладающее значительными капиталами, – единственный класс, в котором доводится проследить особенности местного колорита; только они одни самобытны оттого, что независимы, и оттого, что заключены в круг занятий, неизбежно требующих ежедневных работ и ежечасного наблюдения». Позднее Максимов подчеркивал: «Сибирское купечество вообще отличается наибольшей развитостью в политических взглядах, наибольшем так называемом энциклопедическим образованием [имелось в виду разностороннее образование, знания из разных областей понемногу – В.Б.], чем, например, то же купечество, которое покупает чай и меха и отпускает им ситца, сукна, готовые сапоги и готовое платье, заготавливаемое в Москве» [9, с. 350].

Другой путешественник по Сибири, Ипполит Завалишин, вторит Максимову, но отчасти и противоречит: «Здесь купечество (западносибирское – В.Б.) гораздо образованнее русского, более податливо на общепользные дела и, находясь в кругу чиновников, социальнее и развязаннее, нежели в городах русских. Неграмотных уже мало, а образ жизни, даже у старообрядцев, одежда, тон, манеры, за малым исключением, те же, что и у чиновничества» [10, с. 88]. Различие во взглядах объясняется тем, что авторы говорят о разных слоях купечества: Максимов о низшем и среднем, Завалишин – о высшем.

Самые крупные капиталисты Томска имели возможность следовать в образе жизни и удовлетворении своих социальных и духовных потребностей местным дворянам и чиновникам. Под воздействием их установок на образ жизни и ее ценности менялся менталитет богатейших купцов. Местная администрация, близкие к ней дворяне, которые не находились на службе, были не лучшими образцами для подражания. По словам хорошо знавшего сибирское общество XIX в. В.К. Андриевича, местная дореформенная администрация «деморализовала вконец сибиряков», так как «злоупотребления развивались повсеместно главным образом потому, что произвол властей, воспитанных сплошь на крепостническом начале, мог развивать только низменные, самодурные, эгоистичные наклонности как в них самих, так и в их подчиненных» [11, с. 203].

Такая тенденция усилилась во второй четверти XIX в., во время правления Николая I, когда, по словам декабриста А.Е. Розена, в Сибири «все поклонялись модной роскоши, а для нее надо было наживать много... Все брали и крали и все поглощалось роскошью» [12, с. 339]. Чиновники, по остроумному замечанию П.А. Словцова, в то время хотели жить как помещики и держать «ворота настежь, но земли ими владеемые, лежат в цветочных горшках» [цит. по 13, с. 223]. Влияние чиновников на жизнь томских купцов в первой половине XIX в. было значительным и усиливалось их участием в предпринимательстве, прежде всего в золотопромышленности. Нувориши из отставных чиновников строили в городе и за городом барские особняки в виде поместий с домашними оркестрами и оранжереями, вели барский образ жизни со склонностью к изысканным и утонченным удовольствиям. Правда, довольно часто сквозь барские шелка просматривалась купеческая сибирка или даже простонародный армяк. Это могло проявиться в речи, которая оставалась краткой, образной и грубой, в желании пус-

тить окружающим пыль в глаза и показать себя знатоком литературы, искусства, политики. Так, во дворце Горохова, бывшего, кстати, некоторое время Томским губернским прокурором, в одной из комнат стоял большой шкаф со стеклянными дверками, «сквозь которые глядели с полок стройные ряды книг в отличных переплетах, все одинаковой толщины и роста, с золотым тиснением на корешках: «Благонравие и порок», «Тщеславие и скромность» и тому подобные названия, какие только могла подсказать изобретательность необразованного человека». И.Д. Асташев выписывал европейские газеты на многих иностранных языках, которые, по мнению А.В. Адрианова, играли ту же роль, что и состоящая из разукрашенных картонных коробок «библиотека» Горохова, так как языков, родившийся и проведший детство в Нарыме, Асташев не знал [14, с. 172].

Но, постепенно наращивая свою экономическую силу, повышая образовательный уровень и социальный статус, купечество начинает определять стиль жизни города, оттесняя на второй план чи-

новников. Это дало основание В.М. Флоринскому заметить: «Купцы задают здесь (в Томске – В.Б.) тон жизни, подчиняют своему влиянию весь чиновный мирок. Всюду они на первом месте, и у губернатора, и у архиерея, не говоря уже о второстепенных чиновниках. Все за ними ухаживают в видах той или иной благодетельности, и это дает городу убеждение, что вся сила в купеческих карманах. За ними интеллигенция и администрация являются как случайный квартирант – нахлебник в чужом доме, оттесненный на второй план» [15, с. 287]. Тем не менее следует отметить, что интересы чиновников и купцов в Томске не противопоставлялись, не противоречили друг другу, но происходило их взаимопроникновение, взаимное влияние, своеобразный синтез. Этим процессам способствовала как включенность в предпринимательство (прямо или косвенно, на законном основании через собственную коммерцию или через незаконное вымогательство взяток) местных чиновников, так и служба купцов на выборных должностях в городском самоуправлении.

Литература

1. Козлова Н.В. Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. // Вестник Московского ун-та, 1989. Сер. 8. История. И 4.
2. Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. Исторический очерк. СПб., 1889.
3. ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1458.
4. Словцов П.А. Письма из Сибири. 1826 г. М., 1826.
5. Авдеева-Полевая Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1937.
6. Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томск 1885 г., Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Томская губерния. СПб., 1904.
8. Астров А.И. Воспоминания. Париж, 1940.
9. Максимов С.В. На востоке. Поездка на Амур. Путевые впечатления. СПб., 1871.
10. Завалишин Ипп. Описания Западной Сибири. Т.2. М., 1962.
11. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири, основанный на данных, представленных Полным собранием законов Российской империи и сенатским архивом. Ч. 1. СПб., 1889.
12. Розен А.Е. Записки декабриста. СПб., 1907.
13. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии... Ч. 1.
14. Адрианов А.В. Томская старина. // Город Томск. Томск, 1912.
15. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания. // Русская старина. 1906. И 5.